

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-9-29

Н.А. ДворяшинаСургутский государственный педагогический университет,
628417 г. Сургут, Российская Федерация

Феномен русской няни как воплощение лучших черт национального характера

Аннотация. Тип русской няни рассматривается в статье как самобытная социально-нравственная категория соотечественников, явившая пример воплощения сущностных качеств нации. Цель исследования – показать те свойства личности, душевного склада, особенности характера представительниц народной педагогики, закономерности их жизненных судеб, которые дают возможность получить адекватное представление о чертах духовно-нравственного состава русского человека. Методологически статья базируется на комплексном подходе, предусматривающем использование биографического, историко-культурного, историко-литературного и феноменологического методов. Анализ имеющихся источников позволил прийти к следующим выводам: 1) несмотря на то, что наставницам детей пришлось перенести в своей жизни немало тяжелого и трагического, они достойно вынесли все жизненные испытания, сохранив при этом свойственную русским людям душевную крепость и доброту; 2) в суждениях воспитанников эти русские женщины получили самые высокие оценки своим природным дарованиям, за которыми очевидны определения ума светлого, находчивого, нрава энергичного, способностей творческих; 3) как типичные свойства русских людей отметили авторы мемуаров в нянях их труженичество, владение самыми разными навыками жизнедеятельности; 4) важнейшими нравственными качествами русского народа, носительницами которых предстали детские «дозорницы», названы их питомцами равнодушие к материальному благу, бессребреничество; 5) самобытность натуры русской няни проявилась в ее самоотверженном деянии во имя любви к детям, любви, не знающей препятствий, эгоистических побуждений; 6) в любой для них среде и обстановке няни сохраняли и утверждали характерную для русских людей ответственность чувств, готовность разделить с близкими их невзгоды, нередко это были деяния, равные подвигу; 7) жизнь и судьба русских нянь – впечатляющий пример необходимых для юного поколения россиян заповедей, основанных на лучших чертах характера русского человека.

Ключевые слова: русская няня, русский национальный характер, сущностные черты личности, русские женщины, духовно-нравственное воспитание, народная педагогика

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Дворяшина Н.А. Феномен русской няни как воплощение лучших черт национального характера // Литература в школе. 2022. № 2. С. 9–29. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-9-29

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-9-29

N.A. Dvoryashina

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, 628417, Russian Federation

The phenomenon of a Russian nanny as an embodiment of the best features of the national character

Abstract. The type of a Russian nanny is considered in the article as an original social and moral category of compatriots, which set an example of the embodiment of the essential qualities of the nation. The purpose of the study is to show those properties of the personality, the psyche, and the peculiarities of the character of representatives of the folk pedagogy, the patterns of their lives, which make it possible to make an adequate idea of the features of the spiritual and moral composition of a Russian person. Methodologically, the article is based on the integrative approach, which provides for the use of biographical, historical, cultural, literary and phenomenological methods. Analysis of available sources led to the following conclusions: 1) despite the fact that the mentors of the children had to endure a lot of difficult and tragic in their lives, they coped with all life trials with good grace having preserved the spiritual strength and kindness, characteristic of Russian people; 2) in the judgments of their pupils, these Russian women received the highest marks for their natural talents, behind which the definitions of a bright, resourceful mind, an energetic disposition, and creative abilities are obvious; 3) the authors of memoirs noted nannies' hardworking, possessing a variety of life skills as typical Russian features; 4) their educatees called indifference to the material good, unselfishness as the most important moral qualities of the Russian people, the bearers of which appeared children's "watchers"; 5) the identity of the nature of the Russian nanny manifested itself in her selfless act in the name of love for children, love that does not know obstacles, selfish motives; 6) in any environment and atmosphere, the nannies retained and affirmed the coherence of feelings characteristic of Russian people, a willingness to share their adversity with their nearest, often these were acts equal to a heroic deed; 7) the life and fate of Russian nannies is an impressive example of the commandments, necessary for the young generation of Russians, based on the best features of the character of a Russian.

Key words: a Russian nanny, the Russian national character, essential personal traits, Russian women, spiritual and moral guidance, folk pedagogy

CITATION: Dvoryashina N.A. The phenomenon of a Russian nanny as an embodiment of the best features of the national character. *Literature at School*. 2022. No. 2. Pp. 9–29. (In Rus.) DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-9-29

В своих размышлениях о Родине, ее настоящем и будущем религиозный мыслитель, историк Г.П. Федотов очень точно заметил: «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи – пусть нашей эпохи – только гримаса, на мгновение искажившая прекрасное лицо, если будущее сомкнется с прошлым в живую цепь» [31, с. 63]. При этом, воссоздавая «лицо России», мыслитель увидел его в неисчерпаемом богатстве образов: «Оно в золотых колосьях ее нив, в печальной глубине ее лесов. Оно в кроткой мудрости души народной. Оно в звуках Глинки и Римского-Корсакова, в поэмах Пушкина, в эпосах Толстого. В сияющей Новгородской иконе, в синих глазах Угличских церквей. В “Слове о Полку Игореве” и в “Житии протопопа Аввакума”. Оно в природной языческой мудрости славянской песни, сказки и обряда». Назвал он и другие составляющие духовного облика земли русской: «буйные подвиги дружинных витязей, “боронивших Русь от поганых”, «труд и пот великоросса», «гений Петра» и его «нечеловеческий труд», «молчаливый и смиренный героизм русского солдата» [Там же, с. 63–64]. Г.П. Федотов был абсолютно убежден в том, что нельзя однобоко подхо-

дить к восприятию России, ее образ слагается из совокупности многих и многих начал, явлений, событий, его красоту не представить и не понять, если разрушить «живую цепь» прошлого, настоящего и будущего страны со всеми ее великими достижениями, в основе которых – народ, его труд, его героизм, его мудрость, его душа. Няню как уникальное явление общественной жизни с уверенностью можно считать достойным его выразителем, отражающим ту ипостась, которую можно назвать ликом России. Это хорошо чувствовали и передали в своих суждениях воспитанники, питомцы, «выходки» русских нянь.

Именно такой замечательный по живописному воплощению образ явила в своих воспоминаниях М.В. Волошина: «Я хорошо помню ее красивое лицо. Низкий лоб, обрамленный темными пышными волосами, гладко причесанными на прямой пробор. Миндалевидные серо-голубые глаза, затененные черными ресницами, казались очень светлыми на загорелом лице. Узкий прямой нос, чистый правильный овал лица. Ее здоровое крепкое тело, казалось, излучало силы жизни. В выражении лица – смирение и доброта. Кто знает, что пришлось ей пережить, прежде чем она стала моей кормилицей¹. Мне было, вероятно,

¹ Кормилица, бывшая для девочки одновременно и няней.

два с половиной года, когда я увидела ее однажды в поле – она жала рожь. Я до сих пор помню ее движения: как она наклонялась и срезала рожь серпом у земли, как держа левой рукой срезанный пучок, а правой, поддерживая серпом колосья, описывала высокую дугу, кладя его на землю к прежде срезанным колосьям; потом связывала стебли и несла сноп над головой, опять поддерживая серпом шелестящие колосья; и она улыбалась мне из золотой ржи, как с небес, потому что я видела ее лицо высоко-высоко над собой в небе. <...> Есть русская поговорка: “Питай – как земля питает, учи – как земля учит, люби – как земля любит”. Когда я позднее слышала “мать-земля”, я видела перед собой лицо, похожее на лицо моей кормилицы Феклуши» [3, с. 23–24].

В восприятии этого автора, да и многих ее единомышленников, няня как самобытный социально-нравственный тип явилась воплощением сокровенных качеств русского человека. Ясно, что столь комплиментарное заключение во многом основывалось на особенностях профессиональной миссии, которую осуществляли волею судеб оказавшиеся в этой роли женщины. Кроме того, сама функция, возлагавшаяся на них в определенных социальных условиях и в отчетливо выраженной национальной среде, способствовала формированию совершенно четкого набора требований к ним. Не станет преувеличением и утверждение, согласно которому, реализуя свои человеческие свойства, русские няни способствовали тому, чтобы в течение столетий вырабатывалось четкое общественное мнение о том, какой должна быть представительница этой профессии. Соответствие этим

высочайшим нравственным запросам было реальным критерием оценки деятельности няни. Причем оценки не только родителей ребенка, так сказать «работодателей», но и самих претендентов на эту должность. Осознавшие свою неготовность и нерасположенность к работе с детьми, как правило, достаточно быстро уходили из приютивших их семей. Те же, кто искренне, самоотверженно и беззаветно отдавался делу воспитания доверенных им питомцев, со временем настолько органично вливались в семейное лоно, что становились почти родными людьми.

Однако труд няни не был просто видом профессиональной деятельности. Он, как и сам ее образ, стал отражением сущности нации. Не случайно в автобиографической хронике «Как рыба в воде» правнук великого Толстого – А.С. Толстой, вспоминая свою няню, умершую в 98-летнем возрасте, признался: «...она унесла с собой часть русской души нашей семьи...» [32, с. 144] (здесь и далее выделено нами, кроме специально оговоренных случаев. – Н.Д.). Недаром и у читателей книги «Nianias. Souvenirs» француза Жака Феррана напрашивается вывод: «...хочешь лучше понять “этих русских” – познакомься с их нянями» [20, с. 256].

В этой статье мы продолжим знакомство с наставницами русских мальчиков и девочек, начатое в предыдущих выпусках журнала [7–9]. Целью ее является стремление показать свойства личности, души, характера, закономерности жизненных судеб этих представительниц народной педагогики, которые дают возможность составить объективное представление о национальных особенностях русского человека,

русского народа в целом. Разумеется, мы не претендуем на освещение этого «грандиозного» в своем объеме вопроса во всей его полноте, ибо согласны с суждением Д.С. Лихачева, справедливо заметившего, что «о русском можно писать очень много, и все-таки нельзя исчерпать эту тему» [16, с. 49]. Исчерпать нельзя, но высветить, показать очень важные ее аспекты можно и нужно, потому что «отрицать наличие национального характера, “национальной индивидуальности” – значит делать мир народов очень скучным и серым» [Там же, с. 79].

Избранный нами подход в осмыслении обозначенной проблемы отличается новизной, ибо исследователи, в немногих на сегодняшний день работах о нянях, не рассматривали ее в указанном ракурсе, во всем богатстве особенностей, свойственных этим выдающимся натурам, ограничиваясь лишь отдельными замечаниями о характере их деятельности [1; 12; 20]. Вместе с тем анализ имеющихся источников с их фактическим материалом позволяет увидеть определенные закономерности в судьбах, поведении хранительниц детства, в самой их воспитательной практике, в отношении не только к детям, но и к человеку вообще, выявить и осознать сущностные принципы их жизни.

Няни воспитывали, взращивали гениев, выдающихся деятелей русской культуры, представляя в свидетельствах своих питомцев и в выводах ученых «мастерами в благороднейшем значении слова» [2, с. 25]. Недаром известный специалист по народной культуре, детскому фольклору Г.С. Виноградов видел в них «высшие проявления педагогического дарования

и предельные достижения народной педагогики» [Там же, с. 25]. Методологически статья базируется на комплексном подходе, предусматривающем использование биографического, историко-культурного, историко-литературного и феноменологического методов.

Судьбы русских нянь складывались по-разному. Большинству из них пришлось уже с детских лет пережить немало тяжелого, обидного, несправедливого, подчас трагического, да и в последующем преодолеть не одну беду. Тип русской нянюшки появился, возрос в эпоху крепостничества, в век «грозный и преступный», – время, когда помещичий произвол не щадил не только подневольные души, которыми владели их хозяева, но и домашних. Поэтический портрет этой эпохи и образ «светлой силы русского простонародья» [22, с. 45] в ней, в своих общих чертах, воссоздал в стихотворении «Няня» Константин Случевский. Он указал на характерные черты крепостной зависимости народа: помещичий произвол («злорадство воли»), вседозволенность («разгул патриархальных сил»), нарушение всех прав личности, попрание человеческого достоинства («все и вся поправ»), испорченность нравов [28, с. 198].

Все это в полной мере пережили многие из детских наставниц. Они испытали на себе и неограниченную власть помещиков, их своеволие, входили в жизнь под гнетом физического и нравственного унижения, постигая науку выживания. Так, трудная судьба выпала на долю нянюшки известного русского историка С.М. Соловьева: поступали с ней как с крепостной душой, относились не как к человеку, а как к товару,

продавали и перепродавали, не считаясь ни с ее чувствами, ни с желаниями, ни с волей родителей: «Родилась она в тульской губернии, в помещицкой деревне, – рассказывал Сергей Михайлович. – Однажды, когда отец и мать ее были в поле и она, маленькая девочка, оставалась одна в избе, приходит приказчик и с ним какие-то незнакомые люди: то были купцы, которым была запродаана девочка; несчастную взяли и повезли из деревни, не давши проститься ни с отцом, ни с матерью. Потом ее перепродали в Астраханскую губернию, в Черный Яр, к купцу» [21, с. 139]. В семье этого купца претерпела она унижительные гонения от хозяйского сына. Когда же ей все-таки дали вольную «за усердную службу», возвратиться, как мечтала, домой, на родину, она не смогла: не было денег. И пошла она «в кабалу к купцам, отправлявшимся с товарами в Москву», пошла добровольно, чтобы заработать денег на свой провоз... И лишь оказавшись в семье Соловьевых, она наконец-то обрела доброе к себе отношение, став для будущего историка близким и дорогим человеком [Там же, с. 140].

Пережила крепостную неволю и няня писателя Н.С. Лескова – Анна Степановна Каландина. Ей, совсем ребенку, досталась тяжкая доля: в 15 лет ее продали в чужую семью, потом по наследству – «в приданое» – перешла она к другим людям – в дом Лесковых. Жизнь этой няни – свидетельство того, как движимые своекорыстными интересами, барскими капризами не считались владельцы с чувствами своих крепостных, а, по сути, калечили их молодые жизни. В няне Лескова «жила память о том, как, придя в возраст, упала она в ноги своей, младшей ее на год, суровой

барыне, прося разрешения на выход замуж за избранника ее сердца. Марья Петровна ее выбора не одобрила и указала на другого жениха, в свою очередь нелюбезного Аннушке. Понуждения, по счастью, не последовало, и дело, казалось, заглохло. Но вдруг при одной из недалгих поездок Лесковых через силу таившаяся Аннушка с закушенным стоном соскочила с козел и тут же, в придорожной канаве, родила. Ребенок не то был мертв, не то скоро умер, а она свековала дальше уже целиком вне личной жизни, в семье своих “господ”, не оставив эту семью даже и после “воли”. Да и куда было ей идти, пятидесятилетней одинокой старухе?» – комментировал судьбу няни сын Лескова [14, с. 91]. По вине и жестокосердию своих хозяев была лишена она и женского, и материнского счастья. И лишь в семье писателя и его близких стала Анна Степановна равноправным ее членом, «другом сердечным».

В мемуарных свидетельствах предстают перед нами (за редким исключением) тяжелые жизненные судьбы русских нянь: испили многие из них не одну чашу горечи, страданий, унижений, домогательств господ, попражнения человеческого достоинства. Переносили жестокою нищету, лишения голода и холода. Знали они горькие обиды от незаслуженных наказаний, физического насилия, бранных слов, гонений и притеснений, переживали горечь собственного сиротства, разлуку с близкими людьми, скитания, утрату детей и родных, познавая «с самых ребячьих лет», по словам одной из них, «больно тяжкую жизнь». Так было, пока они не оказывались в семьях, где их ценили и где они становились по-настоящему родными людьми.

Однако парадокс состоял не в том, что перенесшие тяжелейшие, подчас трагические, жизненные испытания натуры эти оказались в большинстве случаев исполнителями миссии воспитательниц и даже, более того, – пестовательниц судеб юных дарований. Необычность явления заключалась в другом: сформированные в условиях жестоких жизненных обстоятельств характеры проявили себя не под стать им – суровыми и злыми, а, напротив, вопреки диктату среды, исполненными милосердия и человечности. Несмотря ни на что, они не сломались, не дали злу разрушить их внутренний мир, его моральные устои. Именно эти нравственно-психологические качества стали со временем основополагающими принципами отечественной системы образования. На первых порах они были в значительной мере стихийно, без должной меры теоретического осмысления, практически востребованы российской общественностью как органически присущие национальному мировидению убеждения. Здесь мы имеем дело уже не столько с выдающимися особенностями отдельных представительниц славного племени русских нянь, сколько с уникальными качествами русского национального характера, блестящими выразительницами которых стали эти замечательные женщины. Это и о них сказал в романе «Обрыв» И.А. Гончаров: *«Такую великую силу – стоять под ударом грома, когда все падает вокруг, <...> почует в себе русская женщина из народа, когда пламень пожара пожрет ее хижину, добро и детей»* [4, с. 324].

Пережив множество бед, сохранили эти мудрые водительницы детей душевную крепость, доброту, сер-

дечность, способность радоваться жизни – те свойства национального характера русского человека, на которые обращали внимание крупнейшие отечественные писатели. Так, И.С. Аксаков, выражая свое отношение к этой грани души русских людей, писал: «Если только припомнить и сообразить – сквозь что и через что прошло и что вынесло русское общество <...>, каким испытаниям подвергалась русская народность, – так придется с благоговением преклониться перед тем, что *жив-жив* остался *курилка*, не погас, а еще разгорелся в пламя, хоть покуда и слабое, – преклониться, одним словом, пред живучестью нравственных основ русской народности, пред верою в себя, и признать присутствие в ней громадных духовных сил» [26, с. 202] (курсив автора. – Н.Д.).

С этих позиций смотрел на свой народ и Ф.М. Достоевский, утверждавший в письме к А.Н. Майкову те истины (при всем понимании и негативных проявлений характера русского человека), о которых не следует забывать сторонникам западных ценностей: «У нас даже Ник. Ник. Страхов, человек ума высокого, – и тот не хочет понять правды: “Немцы, говорит, порох выдумали”. Да их жизнь так устроилась! А мы в это время великую нацию составляли, Азию навек остановили, перенесли бесконечность страданий, сумели перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили ее, наконец, немцев перенесли, и все-таки наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа...» [Там же, с. 229] (курсив автора. – Н.Д.). В другом письме к этому же

адресату писатель добавлял: «И вообще, все понятия нравственные и цели у русских – выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте» [26, с. 229–230]. Русские няни обладали этими качествами личности: крепостью нравственных принципов, духовной стойкостью и добротой, основанными на православной вере, тем осмысленным отношением к жизни, напрочь лишенным заботы о комфорте, которое уже и выросших питомцев не могло не поразить до глубины души.

Особый интерес в этом плане представляют свидетельства о няне Л.Н. Толстого – Татьяне Филипповне Банниковой – «из семьи потомственных слуг Волконских-Толстых в Ясной Поляне» [13, с. 349], которая была также и детоводительницей у племянниц писателя и его старшего сына. В своих «Воспоминаниях» Л.Н. Толстой оставил о ней короткую запись: *«Это было одно из тех трогательных существ из народа, которые так сживаются с семьями своих питомцев, что все свои интересы переносят в них»* [29, т. 14, с. 411].

Глубина и искренность отношений, возникавших нередко между нянями и их воспитанниками, не могут не поразить своей значимостью. Характерна в этом смысле потрясающая история из жизни великого писателя, которую рассказал директор Государственного музея Л.Н. Толстого Виталий Ремизов: «Вот, умирает его (Толстого) столетняя няня. Он в Ясной Поляне. Он приходит к ней. <...> и спрашивает ее: “Что чувствуешь, как?” Она говорит: “Лёв Николаевич, – так его звали

в Ясной, – все будет хорошо. Только вот идут ходики-часы и будто спрашивают: “Кто ты и что ты?”. А это был как раз рубеж перелома Толстого, то, что мы называем переломом. Он вернулся домой, закрылся в своем кабинете, и началась новая жизнь. “Кто я? Что я?” Это за 30 лет до смерти. “Зачем я пришел в этот мир?”»².

Хорошо известна высокая оценка Л.Н. Толстым «настоящего русского мужицкого народа», в котором он любил «его мужицкую смиренную, терпеливую, просвещенную истинным христианством душу», признавал «великую духовную силу» и испытывал счастье от осознания собственной к нему принадлежности, пусть «хоть не жизнью, а породой» [Там же, т. 15, с. 322–323]. Няня была для него частью этого народного мира, взрастившего не только его, но и поднявшего саму русскую жизнь, более того, державшего ее на своих плечах. Не будь у писателя уважительного отношения к мнению этой простой женщины, возможно, другой была бы и его реакция на сказанное ею. Ведь не случайно исследователи увидели в этой встрече событие, наметившее переломный момент в его жизни! Казалось бы, что такого в нянинских бесхитростных словах о «ходиках-часах» (для постороннего – эмоциональный пустяк)? Но это мимолетное замечание любимой няни становится для ее давно уже повзрослевшего питомца – выдающегося писателя – интеллектуальным толчком,

² Ремизов В. Наше все. Лев Николаевич Толстой // Эхо Москвы. 07.12.2008. URL: <https://echo.msk.ru/programs/all/557382-echo/> (дата обращения: 12.06.2021). – Радио «Эхо Москвы» внесено в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функцию иностранного агента.

направившим его на новые творческие и мировоззренческие поиски.

Несомненно, что они подготавливались всей предшествующей жизнью Толстого. Нянины вопросы лишь совпали с вопросами, мучившими его, с теми размышлениями, в которые писатель уже был погружен! «...со мной, – писал он в “Исповеди”, – случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого давно были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. <...> Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. <...> Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни» [29, т. 16, с. 146, 153].

Все эти обстоятельства, вместе взятые, и послужили поводом к принятию Толстым важнейших жизненных решений. Именно в последующие годы начинаются его настойчивые раздумья о судьбе «простого трудового народа – того, который делает жизнь», о смысле, который он ей придает, о том, в чем вообще смысл человеческой жизни и его собственной в том числе: «что ты такое и зачем ты живешь?» и «как надо жить?» – вопросы, ответы на которые он настойчиво ищет в своих публицистических и художественных произведениях. И появляются его трактат «Так что же нам делать?», рассказ «Чем люди живы», статьи «Как и зачем жить?», «Зеленая палочка», повести «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Отец Сергей», роман «Воскресение» и другие создания. Думается, что не будет чрезмерным преувеличением обнаружить в этих

высших явлениях человеческого духа каким-то особым образом отразившееся нянино: «Кто ты и что ты?»

Народная мудрость, стойкость, душевный задор этих верных спутниц детства формировали и в воспитанниках необходимые личностные свойства, готовили к будущему, учили преодолению жизненных трудностей. «Эта женщина <...>, – вспоминал о своей няне С.М. Соловьев, – сколько я помню сам и как мне рассказывали другие, обладала прекрасным, чистым характером». Она никогда не теряла присутствия духа, «сохраняла постоянно общительность, веселость, желание занять, повеселить других, больших и малых» [21, с. 138]. О многом говорит и такое признание воспитанника этой няни: «...влияние ее на образование моего характера считаю довольно сильным» [Там же, с. 141].

Оставшись сиротой, не утратила душевной открытости, щедрости по отношению к людям и няня С.Н. Дурылина: «Это был человек без “оха” и “вздоха”, хотя в ее жизни не занимать стать было материалу для “охов” и “вздохов» [11, с. 195]. Но при этом она всегда сохраняла бодрость, отличалась живостью натуры, сметливостью, жизненной энергией: «У няни было приятное лицо с хорошим лбом русской разумницы <...>, природный ум – емкий, отзывчивый – светился в ее живых карих глазах» [Там же, 195]. Деятельная, яркая натура няни вызывала уважительное к ней отношение окружающих, в том числе и тех, с кем она имела опосредованные отношения. «К пожилым годам, – писал Сергей Николаевич, – люди приучиваются ворчать – наша няня, наоборот, к старости стала еще охочей на шутку, еще

податливей на меткое живое слово, свое и чужое. У нее сердце всегда оставалось молодым. Обыкновенно старых нянь величали по отчеству: “Захаровна”, “Филипповна”. Няню нашу *так* не звал никто – так это не шло к ней. Прислуга ее звала по имени-отчеству: “Пелагея Сергеевна” либо “нянюшка”; мы, ее выходки, всегда звали ее “няня Поля”, и так, по нашему примеру, звали ее старшие, или попросту: “няня» [21, с. 195] (курсив С.Н. Дурылина. – *Н.Д.*).

Поразительным обаянием, самобытностью натуры отличалась любимая няня композитора, пианиста С.И. Танеева – Пелагея Васильевна Чижова, ставшая в среде московских музыкантов поистине легендарной личностью. Не случайно же о ней сохранили воспоминания такие деятели музыкальной культуры, как А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов, А.Б. Гольденвейзер, П.И. Васильев, Л.Л. Сабанеев и, конечно, сам С.И. Танеев.

Жила эта простая женщина сначала в доме родителей композитора, воспитывала детей, вела хозяйство. После их смерти осталась с любимым Сереженькой, посвятив ему всю свою жизнь. В письме к своему другу – художнику К.Е. Маковскому композитор поведал не только о любимых чертах внешнего облика Пелагеи Васильевны, но и об особенностях ее личности: «...Цвет глаз – светло-голубой, казалось, они светятся. Их называли лучистыми. <...> Была кротка по натуре. Не помню, чтобы на кого-нибудь сердилась. Отличалась отсутствием малейшей фальши. Всю жизнь оставалась неграмотной, однако хорошо разбиралась в житейских делах и могла дать полезный совет» [Цит. по: 27, с. 337–338].

На житейскую, *жизненную мудрость* няни указал и композитор А.Т. Гречанинов: «Все несложное хозяйство Танеева, – по его словам, – она вела так, что ее хозяину не нужно было ни о чем думать и заботиться». Более того, отмечая ее управленческий дар, он совершенно замечательно написал: «Она была, можно сказать, *министром* всех его внутренних дел» [5]. Няня-«министр» «обладала прекрасной памятью и всех посетителей дома, – а их было очень много, можно сказать, вся музыкальная Москва, – она знала по имени и *все* ее знали, относились к ней с большим уважением и любили ее, хотя с посетителями она иногда бывала очень строга и не допускала, чтобы кто-нибудь мог помешать работе ее барина» [Там же].

Была Пелагея Васильевна мастером умных и тонких наблюдений, интересных суждений о людях, событиях и делала это настолько открыто и честно, что ее высказывания удивляли, радовали и питомца, и его друзей. Композитор П.И. Васильев, написавший воспоминания о няне Танеева по просьбе С.Н. Дурылина, рассказывал: «Про Толстого (когда она жила вместе с Сергеем Ивановичем в Ясной Поляне в 1896 году) она замечала, что Лев Николаевич “так умен, так умен, что у него ум в глупость пошел”. Это говорилось по поводу его мужицкого вида и прочих упрощений в жизни» [21, с. 309]. *Острый ум* няни, ее способность к ироническим замечаниям и сохраняемое при этом *достоинство* блестяще передает «случай с тараканами, которых Сергей Иванович задумал вывести вместе с Дуняшей тайно от Пелагеи Васильевны». Затея не удалась. Няня обо всем узнала. «На другое утро, когда Сергей Иванович пришел к ней здороваться,

она, сидя за чаем, говорит ему: “я еду”. – “Вот и хорошо, что едете. Возьмите и Дуняшу с собой, прокати-тесь”. – “Да нет, я в редакцию еду”. – “Зачем?” – “Да вот хочу пропечатать, что живет в Москве там-то и там-то Сергей Иванович Танеев, музыкант, профессор, а также может тараканов морить. Кому нужно, просим обращаться”» [21, с. 309–310].

Все поведение П.В. Чижовой, ее отношение к людям, необыкновенная доброта, живой ум, меткая речь, преданность питомцу, искренняя забота о нем, понимание его творческой жизни, отрешенности от бытовых дел, в которых он, по ее словам, был «что дите малое», позволяют оценить и эту няню как замечательное явление русской жизни.

Среди свойств личности русской няни авторы воспоминаний отмечали, как правило, их *труженичество*. Не боялись эти женщины никакой работы, многое умели, самостоятельно овладевали самыми разными навыками, проявляя *талантливость* в любом деле. О.С. Лодыженская, автор книги «Ровесницы трудного века», рассказывала о своей няне Ульяне Матвеевне Бычковой, в 5 лет оставшейся сиротой: «*И вот тут и сказало ее необычайное трудолюбие и одаренность*. Кому нужна была чужая девчонка? О школе даже и думать было нельзя, и все же Уля самоучкой научилась читать и писать. <...> Шить, вышивать, вязать – все умела наша няня. Все наши детские платьица, белье – все было сшито ее руками. Шерстяные носки мы носили только нянины. А как она готовила, какое бесконечное количество блюд знала она! Какие кремы и пирожные умела она готовить! <...> Даже нас, маленьких, глупеньких девочек,

няня поражала своей универсальностью. <...> И когда мы ее спрашивали: “Няня, почему ты все умеешь и все делаешь так хорошо? Кто тебя учил?” – она отвечала: “Меня никто не учил, я сама училась”» [17, с. 22]. Как училась? С малолетства помогала по хозяйству, ко всему приглядывалась, бралась за любое дело, вникая в его суть и особенности, не ленилась.

А сколько всего умела берегиня С.Н. Дурылина – Пелагея Сергеевна! «Она, – вспоминал писатель, – никогда днем не лежала и “лежебока, лёжень, лентягус” были у нее сильно обличительными словами. Если она не вязала чулка, она занималась другой работой: вязала коврики из тонких разноцветных лоскутков. Эти коврики стелились перед нашими кроватями, чтобы босыми не ступать на крашеный пол, а в маминной спальне их настилали перед “божницами” – становиться на них при земных поклонах» [11, с. 222–223]. В няниной помощи нуждались не только дети, но и вся семья. Так, – рассказывал Дурылин, – «отец уважал нянину *преданность, сметливость, разумность* и поручал ей дела, далеко отстоявшие от ее прямых обязанностей. Когда дочерей выдавали замуж, ей поручалось отвезти приданое в дом новобрачных. Поручение это было почетное и требовало особых дипломатических способностей». Завершая свой подробный рассказ о нянином таланте проводить такого рода встречи и переговоры, Сергей Николаевич приходит к выводу: «На все это требовалось большое *дипломатическое мастерство*, и няня им обладала в полной степени. Выпадали на ее долю житейские задачи и потрудней – и она их превосходно решала» [Там же, с. 201–202].

Образ своего «домашнего воспитателя» – Катериночки – Катерины Иоакимовны, нянчившей его мать, его самого и братьев, – «милой вечной труженицы, приносившей людям столько добра», запечатлел в своих воспоминаниях Д.С. Лихачев. В его рассказе вырисовывается фигура с поистине универсальными способностями. Владела Катериночка не одним талантом няни, была она еще и врачевательница, и портниха первостатейная, и устроительница всех важных жизненных событий – рождений, свадеб, похорон, песенница, рассказчица, озорница... Легкая на подъем, она всегда оказывалась в нужном месте, там, где требовались ее мастерство и ее помощь. В памяти Д.С. Лихачева она осталась такой, какой была запечатлена вместе с его бабушкой на единственно сохранившейся фотографии, – веселой, искренней, доброй, родной: «Обе смеются до слез. Бабушка просто смеется, а Катериночка и глаза закрыла, и видно, что слова вымолвить не может от смеха» [16, с. 40].

Самые высокие оценки получили русские няни из уст людей, их хорошо знавших, – министры, дипломаты, мудрые водительницы, мастерицы, за которыми очевидны определения ума светлого, ясного, живого, находчивого, нрава деятельного, энергичного, изобретательного, способностей творческих, зиждительных.

Отличительными нравственными свойствами многих русских нянь были *бескорыстие и преданность* семьям, в которых они служили. Вспоминая свою няню, младший брат Ф.М. Достоевского – Андрей Михайлович рассказывал: «Алена Фроловна как поступила в дом наш на жалованье в 5 рублей ассигнациями

(ныне 1 рубль 45 копеек), так и оставила наше семейство после смерти родителей, прожив более 15 лет, получая то же жалование. Но, впрочем, собственно говоря, она не получала его, говоря, что у родителей оно будет сохраннее» [21, с. 150]; «...и накопилось ее жалованья рублей пятьсот, и лежали они в ломбарде – “на старость пригодится”» [Там же, с. 157].

Но вот в семье Достоевских случилась беда, – сгорела вотчина, все сгорело дотла, а были они людьми небогатыми, и показалось им, что пришло полное разорение, отчаяние охватило всех. В это мгновение именно няня предложила семье свою помощь. Подойдя к плачущей матери, она прошептала (обратим внимание, на деликатность ее поведения!): «Коли надо вам будет денег, так уж возьмите мои, а мне что, мне не надо». Этот поступок женщины, взрастившей всех детей Достоевских, остался в памяти писателя как пример подлинного бескорыстия. Размышляя над ним, Ф.М. Достоевский написал: «Денег у ней не взяли, обошлись и без того. Но вот вопрос: к какому типу принадлежала эта скромная женщина, давно уже теперь умершая, и умершая в богадельне, где ей очень ее деньги понадобились» [Там же, с. 157]. Скорее всего, звучал этот вопрос риторически, ибо ответ очевиден был и для самого писателя: а принадлежала няня к тому типу русских, кто готов пожертвовать всем, что имеет, во имя спасения дорогих ему людей.

Равнодушие к материальному благу, бессребреничество, забота в первую очередь о благополучии близких, желание доставить им радость отличало этих хранительниц светлого детства в семьях генерала А.А. Брусилова, писателя Н.С. Лескова, композитора

С.И. Танеева, писательницы А.К. Чертовой и многих других. Очевидно, что руководили поступками и этих детских наставниц не выгода, не корысть или расчет, а одни из важнейших нравственных качеств русского народа – доброта, великодушие, готовность «положить душу за други своя». Нельзя не согласиться с суждением Ф.М. Достоевского, утверждавшего устами своего героя в романе «Подорожник»: «Русские женщины дурнеют быстро, красота их только мелькнет, и, право, это не от одних только этнографических особенностей типа, а и оттого еще, что они умеют любить беззаветно. Русская женщина все разом отдает, коль полюбит, – и мгновение, и судьбу, и настоящее, и будущее: экономничать не умеют, про запас не прячут, и красота их быстро уходит в того, кого любят» [10, с. 370].

Обратим внимание на еще одно свойство личности этих спутниц детства. Так, А.К. Чертова о своей няне написала: «...прожила у нас 7 лет и была безупречно добросовестна в исполнении своих обязанностей, чрезвычайно предана матери и разумно-нежна с детьми» [21, с. 300]. Верностью и непоколебимой приверженностью семьям, в которых жили, отличалась не только эта няня, но и многие другие женщины. «Преданнейшим человеком» назвал свою няню Феклу Максимовну Обухову – крестьянку-солдатку и В.С. Алексеев, старший брат К.С. Станиславского, его помощник, театральный деятель. Жила она интересами семьи, благополучие которой стало важным для нее делом жизни. «Няня, – отмечал мемуарист, – положила много трудов и забот на выхаживание детей, много бессонных ночей провела она при детях. Когда в Самарской губер-

нии умирал мой бедный брат Павел, тринадцати лет, няня целыми сутками терпеливо и безропотно просиживала у его изголовья» [Там же, с. 220]. Сам же К.С. Станиславский, выдающийся театральный режиссер, расценил это нянино служение как «подвиг» [Там же, с. 221] – именно это слово рождалось в его сознании при мысли о ней! Такая оценка не была случайной.

О значимости в оценке национальных свойств русского народа понятия «подвиг» размышлял в своей работе «Заметки о русском» (с отсылкой к суждению Н.К. Рериха) Д.С. Лихачев: «В одном из писем Николая Рериха <...> есть такое место: “Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире; например, слова “указ” и “совет” упомянуты в этом словаре. Следовало добавить еще одно слово – непереводимое, многозначительное, русское слово “подвиг”. Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительного значения...” И далее: “Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово “подвиг”. Героический поступок – это не совсем то, доблесть – его не исчерпывает, самоотречение – опять-таки не то, усовершенствование – не достигает цели, достижение – имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как подвиг безграничен”. <...> И еще: “Подвиг не только можно обнаружить у вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру. “Подвиг” означает движение, проворство, терпение

и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова “указ” и “совет”, то они обязательно должны включить лучшее русское слово – “подвиг...”» [15].

Восприняв жизнь своей «родной няни» как подвиг, К.С. Станиславский сосредоточил в этом определении внимание на ее неустанной работе, отметив и ее «бессонные ночи, слезы, лишения», и ее терпение, и ее подвижничество – самоотверженное служение семье купцов Алексеевых, которой она «отдала <...> всю свою жизнь и любовь» [21, с. 215], а это, без малого, пятьдесят лет.

«Героической женщиной» назвала свою няню Наталия Сергеевна Мезенцова – правнучка А.С. Пушкина, автор книги «В них обретает сердце пищу...». Для такой оценки у наследницы великого поэта были все основания. Именно няня Настя взяла на себя бóльшую часть всех трудностей, которые обрушились на их семью после ареста сначала отца, а потом и брата мемуаристки, также правнука поэта – Саши, Александра. «И как она с ними справлялась? – вопрошала рассказчица. – Видно, помогал ей Бог. Она никогда ничего не боялась и была готова на любую жертву. Саша был дорог ей, как собственный сын! Твердо могу сказать, что во многом она нам заменила в детстве рано умершую нашу мать и очень была нам дорога» [19, с. 128].

Арестован был правнук Пушкина «из-за нелепой, но роковой причины». Несмотря на это приговор оказался суровым – «концентрационный лагерь на восемь лет» [Там же, с. 132–133]. Последовал долгий и тяжелый этап, бесчеловечное обращение с арестованными, голод, лесозаготовки: «Недоедание и тяжелая работа, сильная простуда, – рассказывала в своих

записках автор книги, – привели брата к плевриту с высокой температурой: его положили в госпиталь, на простыни только что умершего от туберкулеза. Этого оказалось достаточно для всего затем случившегося» [Там же, с. 134]. Сестре удалось выхлопотать брату изменение приговора – заменить лагерь на свободную высылку, и сообщение об этом было отправлено в место его заключения, однако известий от него никаких не приходило, что и привело близких к решению ехать на розыски родного человека. Вот здесь-то и взяла на себя все заботы любимая няня. Переноса ужасные условия поездок по железной дороге, отправилась она на поиски питомца. По словам рассказчицы, «ее путешествие с начала и до конца – это был подвиг» [Там же, с. 135]. Не сразу, но нашла няня своего воспитанника в одном из лагерей. «Свидание им дали в поле, перед лагерем, – вспоминала Наталия Сергеевна. – Она ждала его у стога сена и наконец дождалась: навстречу шел человек, похожий на призрак, бледный, худой как скелет. Встреча была трудная – и радость, и горечь!» [Там же, с. 136]. Няня помогала Александру и во всех дальнейших испытаниях, окружив его вниманием и заботой. Болезнь отступила, но лишь на время, а потом началась снова. После того, как прошение о полном освобождении Александра было удовлетворено, и ему разрешили вернуться в Москву, состояние его резко ухудшилось. Врачи не могли уже ничем помочь. Няня не покидала больного до самой его кончины... И даже когда ей предложили передохнуть перед последним прощанием с дорогим для нее человеком, она поступила так, как пожелало ее преданное сердце: «Но не ушла, не могла

оставить любимого своего мальчика няня моя Анастасия Васильевна, наша любящая и любимая Настя! Она осталась с ним в церкви одна, запертая там в одиночестве. Никакие уговоры ее не увели. Я незримо вижу ее, еще довольно молодую (ей было 46 лет), ее согнувшуюся фигуру около покрытого черным покрывалом белого гроба» [19, с. 142–143].

Так прожила свою жизнь эта удивительная по силе и красоте своих чувств женщина, которая согрела осиротевших детей материнской любовью, стала для них вторым человеком после отца, «неизменной спутницей» их судеб, не расставаясь с ними до конца своих дней. Прожила, жертвуя собственным покоем, благополучием, забывая о себе, своим плохим здоровьем, отдыхе, личных делах и проблемах.

Впечатляющие истории, являющие собой примеры служения няни семьям своих «выходков», чуждых каких-либо корыстных интересов и устремлений, сберегли в своей памяти, а потом и рассказали о них в мемуарах представители первой волны русской эмиграции. Некоторые няни покидали Россию вместе с ними, так крепко были они привязаны к семьям. Несмотря на перенесенные лишения, они не только не очерствели душой и не ожесточились, но, напротив, проявили всю полноту своей любви, силу воли, душевное равновесие, которые оказались спасительными для всех. Справедливую оценку их роли в судьбах русских людей дала в своей работе исследователь М. Мелия: «Няни делили с семьей все тяготы эмиграции. Нередко дом держался только на няне: она занималась всем – и кухней, и детьми, пока ее униженные, погрязшие

в проблемах господ пытались хоть как-то заработать. Няня – спокойная, мудрая, уравновешенная, терпеливая – становилась центральной фигурой в семье, якорем, который удерживал всех на плаву. Бывало, что работу находили именно няни, и тогда они содержали всю семью, кормили и своих воспитанников, и их совершенно не приспособленных к жизни родителей» [20, с. 262].

В книге «Nianias. Souvenirs» Ж. Ферран приводит ряд воспоминаний русских эмигрантов о поведении, поступках нянюшек, которые не могут не поражать величием духа, самопожертвованием и благородством. В заметках князя М.Ф. Романова (потомок Дома Романовых, французский кинорежиссер, актер, историк, автор мемуаров) читаем: «Совместная жизнь во время месяцев войны (голод, всякого рода нехватка: как хлеба, так и угля) позволили мне узнать, до какой степени няня следила за всем, “организовывала” тайники, куда складывала скудные запасы (большинство времен “Царя Гороха”, за которыми она ездила на велосипеде часто за 15 или 30 км, чтобы обменять на вязаные шерстяные штаны или носки, пока я был в лицее). Она поддерживала дом, пока мама находилась в Париже, занимаясь учениками своей школы, она не боялась немцев, и Бог знает, что бы было, поскольку мы находились не только в зоне оккупации, но еще и в прибрежной приграничной зоне в Биаррице» [32, с. 103, 105].

Осталась с семьей А.Г. Бетулинской – Смирновой-Марли (впоследствии французской певицы, автора песен) и ее наставница, когда они покидали Россию: «Революция распространялась неистово. Надо было

спасать детей. Ободренная своими сестрами, моя мать приняла решение бежать. Няня не оставила нас. Она несла меня, завернутую в оренбургский платок, через северные леса в Финляндию. Моя шестилетняя сестра семенила рядом, моя мать, одетая как крестьянка, сгибалась под тяжестью своей одежды с единственной сумкой. На протяжении всей моей жизни моя няня была мне как вторая мама. Она была неграмотной, но умной, *сделанная из такого русского теста, которому не нужно знать, чтобы понимать, с врожденным чувством самопожертвования, жалости и нежности.* Продукт воспитания Императорской России. Она стала членом семьи, забыв обо всем на свете ради своей воспитанницы... *Имя Наташи Муратовой отпечата-лось золотыми буквами в моих детских воспоминаниях. Русская няня, которая растила великих и простых смертных, внушая им Веру, Честность и Нежность»* [32, с. 123, 126].

Эта детская наставница, как и те, о чьих судьбах мы рассказали, принадлежала к людям, о которых М.М. Пришвин писал: «...в наше время умным человеком назывался человек, *обращенный сердечным вниманием к другому человеку, и это не просто добрый, а как бы умеющий делать добро, и не просто добродушный, а знающий, в какие именно руки направить добро»* [25, с. 301]. Доброе сердце, бескорыстие, отзывчивость, щедрость, жизненная энергия, безоглядная любовь русских нянь во многом сформировали личностные качества их «выходков», недаром один из них признавался: *«Если во мне есть что хорошего, в значительной степени я обязан этим ей»*, своей «дозорнице» [30, с. 17].

Религиозный мыслитель Г.П. Федотов, отмечая, с чем пришлось столкнуться русским людям в эмиграции, сопоставляя два мира, – покинутый Дом и чужбину, очень точно указал на различие их жизненных принципов и духовно-нравственных представлений: *«Среди формальной строгости европейского быта не хватало нам привычной простоты и доброты, удивительной мягкости и легкости человеческих отношений, которые возможны только в России. Здесь чужие в минутной встрече могут почувствовать себя близкими, здесь нет чужих, где каждый друг другу “дядя”, “брат” или “отец”. Родовые начала славянского быта глубоко срослись с христианской культурой сердца в земле, которую “всю исходил Христос”, и в этой светлости человеческих отношений, которую мы можем противопоставить рыцарской “куртуазности” Запада, наши величайшие люди сродни последнему мужику “темной деревни»* [31, с. 62]. В этом суждении Г.П. Федотова важно его замечание об особенностях национального сознания русского человека, для которого родственные отношения между людьми – не пустой звук! Повторим его слова еще раз: здесь, в России, *«нет чужих»*, здесь *«каждый друг другу “дядя”, “брат” или “отец”*». Речь в данном случае идет о принципиальных основах мироощущения русских людей!

На них обращали внимание и другие деятели отечественной культуры. Характерные примеры приводит в своих «Заметках о русском» Д.С. Лихачев, рассказывая о попытках молодой переводчицы из Франции постичь русскую речь, русского человека. Вот фрагмент его беседы с этой девушкой, в которой

он объясняет смысл слов, выражений, особенности поведения русского народа, его «русские черты»: «Я ей отвечаю: “И приветливость у нас часто выражается в таких словах: *роденький, родименький, сынок, бабушка...*” Франсуаза вспыхивает: “А, вот что это значит! Я на улице спросила одну пожилую женщину, как найти мне нужную улицу, а она сказала мне: “Доченька!” – “Вот именно, Франсуаза, она хотела обратиться к вам ласково”. – “Значит, она хотела сказать, что я могла бы быть ее дочерью? Но разве она не заметила, что я иностранка?” Я рассмеялся: “Конечно, она заметила. Но она именно потому и назвала вас доченькой, что вы иностранка, что вы чужая в этом городе, – вы же ее спросили, как пройти куда-то”. – “Ах!” (Франсуаза заинтересована). Я продолжаю: “Если вы иностранка, вы, значит, одна в Ленинграде. Пожилая женщина, называя вас доченькой, не хотела непременно сказать, что вы ее дочь. Она назвала вас так потому, что у вас есть мать или была мать. И именно этим она вас приласкала”». Откликом француженки на это пояснение ученого было восклицание – «*Как это по-русски!*» [16, с. 50]. Вот именно! Так сердечно, по-родственному откликаться на Другого – в натуре русских людей. Это поняла и гостя из Франции. «И дальше, – продолжил свою заметку Д.С. Лихачев, – мы стали вспоминать, сколько в русском языке слов с корнем “род”: *родной, родник, родинка, народ, природа, родина...* Слова эти как бы сами слагаются вместе!» [Там же, с. 51] (курсив автора. – Н.Д.).

Да, наверное, в отдельных случаях возможны и иные отношения между русскими людьми. Их, в частности, имеет в виду уже наш совре-

менник – Захар Прилепин, когда рассказывает следующее: «У меня есть один знакомый писатель, при всяком удобном случае говорящий о том, как он презирает всякие “имманентные” связи, которые, на его взгляд, унижают человека. Имманентный – значит присущий предмету изначально. *Чувство родства, чувство крови, чувство почвы – это имманентное.* Мой приятель страшно негодует, когда в его присутствии заходит речь о родстве и почве» [24, с. 282–283]. Кто-то, вероятно, вспомнит и своих «приятелей» с такой позицией. З. Прилепин, комментируя ее, пишет: «*Объяснение этому простое: он ничего этого не чувствует. У него какой-то орган отсутствует, который за это отвечает. Так бывает. <...> Когда человек, подрагивая и горячась, утверждает, что нет никаких русских, никакой Родины нет, никакого родства не бывает, – надо его бережно поправлять. Эй, парень, – стоит сказать ему, – никто не хочет с тобой спорить. Но если ты хочешь говорить что-то подобное – отвечай только за себя. Говори: у меня нет никакой Родины, я никакой не русский. Я не испытываю к вам родства. И все. И проблемы снимутся» [Там же, с. 283].*

У русских нянь проблем такого рода не было, но по причинам иного, можно сказать, противоположного свойства: *чувство родства с Отечеством, с родными по духу и крови людьми* было для них столь же естественно и необходимо, как для человека воздух. В эмиграции они не просто сберегали свойственные русской душе, русскому человеку качества, указанные Г. Федотовым и отстаиваемые представителями уже других времен («*чувство родства, чувство крови, чувство почвы*»), но своими

конкретными делами, поступками утверждали и в новой для них среде, далекой в своей ментальности от сущности жизни в России, ту «светлость человеческих отношений» между людьми, в основе которой лежали внимание к человеку, его радостям и бедам, сердечная доброта, стремление прийти на помощь и поддержать в горькие минуты, готовность разделить с близкими их невзгоды и лишения, облегчить душевные раны.

Самобытность миссии русской няни проявилась в самоотверженном деянии во имя любви к детям, любви, не знающей препятствий, экономии сил, эгоистических устремлений. Воспоминания, рассказы тех, кого пестовали эти женщины, свидетельствуют о бескорыстии этого чувства, многообразии его оттенков и беспримерности с точки зрения педагогического потенциала. В нем соединились в некое целое любовь-самозабвение, любовь-подвижничество, любовь-служение, любовь-верность, любовь-жалость, неотделимая от сострадания и нежности, любовь-дружба, любовь-уважение, любовь-забота, любовь-защита и утешение, любовь-благодать... Она была ничуть не слабее той, которой любят собственное дитя, свою кровинушку, а подчас и сильнее. Эту характеристику, отражающую богатство няниной любви, можно дополнить и другими оценками: была она еще и деятельной, спасительной, сердечной, бережной, безграничной, безраздельной, неусыпной... И никогда не оскудевающей. Это была любовь-жизнь!⁵

⁵ Эта грань души воспитательниц из народа подробно представлена в нашей работе [6, с. 79–115].

Нянина любовь, проникая в детские души, напитывала их ответным чувством, способствуя формированию внутреннего мира питомцев, которые в свою очередь мощной волной благодарности отзывались на полученное от своих дорогих «кормилиц». Их признательность носила такой же сильный по эмоционально-чувственному проявлению накал, какой испытывали они сами: «...не смогу найти слов, – восклицала одна из них, – чтобы выразить все, чем ты была для нас: как стены этого дома, которые держат крышу, как тепло огня, который ты поддерживала, как свет и цветы, которые ты приносила из сада, срезая большие ветки сирени... <...> А мы никогда не сможем отблагодарить тебя в полной мере, поскольку, благодаря тебе, у нас было три родителя: наш Отец, наша Мать и Ты» [32, с. 34]. Няня для тех, кого она взращивала, была подлинной душой дома, его центром, опорой в трудных испытаниях, надежнейшим человеком в жизни. Общее осознание того, что дали эти простые русские женщины своим «выходкам», заключила одна из них, воскликнув: «Какое счастье, что судьба послала охранять наше детство няню!» [18].

Прихотливые перипетии жизненных судеб русских нянь не могут не поражать. У каждой из них оказались свой выбор, свой жизненный путь и свои итоги. Но как много общего обнаруживается в чертах их характеров, особенностях отношения к семьям, в которых они служили, и отношения семей к ним. Как бы трудно ни складывалась их жизнь, а не овладели ими ни жажда материальных благ, ни мелочный расчет, ни скупость душевная. «Часовые у детских» воплотили в себе лучшие

свойства русского национально-го характера: жизненную стойкость, духовную и душевную силу, бескорыстие, верность и преданность, природную мудрость, живой ум, трудолюбие и талантливость в выполнении своего дела, дар любви и сердечного внимания к людям, подвижничество, равное подвигу, крепость нравственных основ. Они с детских лет формировали их и в своих питомцах, своих «выходках», воспитывая по-настоящему достойных русских людей.

Важным напоминанием всем нам сегодня служат слова писателя Е. Поселянина, сказанные еще в самом конце XIX в. (1899): «Можно утверждать сколько угодно, будто как ни веди Русского человека, он все будет Русский. Это утверждение безо всяких оснований является пустым звуком в воздухе. Человек со своим

духовным содержанием не выскакивает из земли как гриб после дождя. Он образуется натиском последовательных впечатлений, и, чтобы вырасти Русским, нужны последовательные, от колыбели, впечатления русских везаний, русских характеров, русского уклада, нужна русская обстановка – внешняя и нравственная. И те, кто ничего не имеют, – вырастают интернациональными, бездомными отщепенцами. От этой-то беды и ограждали во весь XIX век русских детей дядьки и няни» [23, с. 195]. Думается, что те впечатления, о которых говорит автор этого суждения, впечатления, открывающие русского человека, лучшие черты его характера всем живущим в России, нашим детям в первую очередь, следует дополнить образами русских нянь, вышедших из народа, хорошо знавших его и явивших собой этот народ.

Библиографический список

1. Бокова В.М. Отроку благочестие блюсти. Как наставляли дворянских детей. М., 2013.
2. Виноградов Г.С. Народная педагогика. Иркутск, 1926.
3. Волошина М. (М.В. Сабашникова). Зеленая Змея. История одной жизни. М., 2015.
4. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1981.
5. Гречанинов А.Т. С.И. Танеев. URL: <https://notkinastya.ru/qrechaninov-a-t-s-i-taneev/> (дата обращения: 11.04.2021).
6. Дворяшина Н.А. «Ангелы-хранители светлого детства»: образ няни в мемуарных и художественных произведениях отечественной словесности // Книга в культуре детства. М., 2020. С. 79–115.
7. Дворяшина Н.А. «И откуда что брала»: народная поэзия в репертуаре русской няни // Литература в школе. 2021. № 4. С. 9–23.
8. Дворяшина Н.А. Образ няни в воспоминаниях и художественных произведениях русской словесности: голос, слово, речь // Литература в школе. 2021. № 1. С. 22–36.
9. Дворяшина Н.А. Русская няня и ее предназначение в православном воспитании детей // Литература в школе. 2021. № 6. С. 9–23.
10. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. Л., 1975.
11. Дурылин С.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 2014.
12. Зеткина И.А., Николаева Е.А. Новые профессии в зеркале истории и литературы: няни, бонны, гувернантки. Саранск, 2008.
13. Л.Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н.И. Бурнашева. М., 2009.
14. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2 т. Т. 1. М., 1984.
15. Лихачев Д.С. Заметки о русском. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=2257078&p=1> (дата обращения: 11.03.2021).
16. Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1983.

17. Лодыженская О.С. Ровесницы трудного века: Страницы семейной хроники. М., 2017.
18. Лукашевич К.В. Мое милое детство. URL: <https://azbuka.ru/fiction/moe-miloe-detstvo/> (дата обращения: 2.09.2021).
19. Мезенцова Н.С. «В них обретает сердце пищу...»: Из записок правнучки А.С. Пушкина. М., 2019.
20. Мелия М.И. Мама рядом! Главный секрет первого года жизни. М., 2020.
21. Няня. Кто нянчил русских гениев / сост. В.Н. Тороповой. М., 2017.
22. Поселянин Е. Пушкин и его няня (К Пушкинской годовщине) // Апология русской няни: к 250-летию Арины Родионовны / сост. М.Д. Филина. М., 2009. С. 40–45.
23. Поселянин Е. Русская няня // Фокин М. Арина Родионовна. М., 2008. С. 193–200.
24. Прилепин З. Имя рек. Сорок причин поспорить о главном. М., 2020.
25. Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М., 1984.
26. Русские писатели и публицисты о русском народе / сост. Д. Соловьев. СПб., 2016.
27. Савицкий В.Д. Записки ровесника. Л., 1983.
28. Случевский К.К. Сочинения: В 6 т. Т. 2. СПб., 1898.
29. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1983.
30. Толстой С.М. Дети Толстого. Тула, 1994.
31. Федотов Г. Лицо России // Русский рубеж. М., 1991. С. 60–65.
32. Ferrand J. Nianias. Souvenirs. Paris, 1999.

References

1. Bokova V.M. Otroku blagochestie blyusti. Kak nastavlyali dvoryanskikh detey [Keep piety to the youth. How noble children were raised]. Moscow, 2013.
2. Vinogradov G.S. Narodnaya pedagogika [National pedagogy]. Irkutsk, 1926.
3. Voloshina M. (M.V. Sabashnikova). Zelenaya Zmeya. Istoriya odnoy zhizni [Green Snake. The story of one life]. Moscow, 2015.
4. Goncharov I.A. Sobranie sochineniy. V 4 t. [Collected works in 4 vols.]. Vol. 4. Moscow, 1981.
5. Grechaninov A.T. S.I. Taneev. URL: <https://notkinastya.ru/qrechaninov-a-t-s-i-tanev/> (In Rus.)
6. Dvoryashina N.A. “Guardian angels of a bright childhood”: The image of a nanny in memoirs of Russian literature. *Kniga v kulture detstva*. Moscow, 2020. Pp. 79–115. (In Rus.)
7. Dvoryashina N.A. “And where did she get it from”: Folk poetry in the repertoire of the Russian nanny. *Literature at School*. 2021. No. 4. Pp. 9–25. (In Rus.)
8. Dvoryashina N.A. The image of a nanny in memoirs and works of art of Russian literature: Voice, word, speech. *Literature at School*. 2021. No. 1. Pp. 22–36. (In Rus.)
9. Dvoryashina N.A. A Russian nanny and her predestination in the Orthodox upbringing of children. *Literature at School*. 2021. No. 6. Pp. 9–23. (In Rus.)
10. Dostoevsky F.M. Sobranie sochineniy. V 30 t. [Collected works in 30 vols.]. Vol. 13. Leningrad, 1975.
11. Durylin S.N. Sobranie sochineniy. V 3 t. [Collected works in 3 vols.]. Vol. 1. Moscow, 2014.
12. Zetkina I.A., Nikolaev E.A. Novyye professii v zerkale istorii i literatury: nyani, bonny, guvernantki [New professions in the mirror of history and literature: Nannies, bonnes, governesses]. Saransk, 2008.
13. L.N. Tolstoy. Entsiklopediya [L.N. Tolstoy. Encyclopedia]. N.I. Burnasheva (ed.). Moscow, 2009.
14. Leskov A.N. Zhizn Nikolaya Leskova: Po ego lichnym, semejnym i nesemejnym zapisyam i pamyatyam [The life of Nikolai Leskov: According to his personal, family and non-family records and memories]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1984.
15. Likhachev D.S. Notes on Russian. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=2257078&p=1> (In Rus.)
16. Likhachev D.S. Zemlya rodnaya [Native land]. Moscow, 1983. (In Rus.)
17. Lodyzhenskaya O.S. Rovesnicy trudnogo veka: Stranicy semejnoy khroniki [Peers of difficult age: Family chronicle pages]. Moscow, 2017.

18. Lukashevich K.V. My sweet childhood. URL: <https://azbuka.ru /fiction/moe-miloe-detstvo/> (In Rus.)
19. Mezentsova N.S. «V nikh obretayet serdtse pishchu...»: Iz zapisok pravnuhki A.S. Pushkina [“The heart finds food in them...”: From the notes by the great-granddaughter of A.S. Pushkin]. Moscow, 2019.
20. Meliya M.I. Mama ryadom! Glavnny sekret pervogo goda zhizni [Mom’s here! The main secret of the first year of life]. Moscow, 2020.
21. Nyanya. Kto nyanchil russkikh geniiev [Nanny. Who nursed Russian geniuses]. V.N. Toropova (ed). Moscow, 2017.
22. Poselyanin E. Pushkin and his nanny (On the Pushkin anniversary). *Apologya russkoj nyani: k 250-letiyi Ariny Rodionovny*. M.D. Filina (ed.). Moscow, 2009. Pp. 40–45. (In Rus.)
23. Poselyanin E. Russian nanny. *Fokin M. Arina Rodionovna*. Moscow, 2008. Pp. 193–200. (In Rus.)
24. Prilepin Z. Imya rek. Sorok prichin posporit o glavnom [Name of rivers. Forty reasons to argue about the main]. Moscow, 2020.
25. Prishvin M.M. Sobranie sochineniy. V 8 t. [Collected work in 8 vols.]. Vol. 7. Moscow, 1984.
26. Russkiye pisateli i publitsisty o russkom narode [Russian writers and publicists about the Russian people]. D. Soloviev (ed). St. Petersburg, 2016.
27. Savitsky V.D. Zapiski rovestnika [Notes of the peer]. Leningrad, 1983.
28. Sluchevsky K.K. Sochineniya. V 6 t. [Works in 6 vols.]. Vol. 2. St. Petersburg, 1898.
29. Tolstoy L.N. Sobranie sochineniy. V 22 t. [Collected works in 22 vols.]. Moscow, 1983.
30. Tolstoy S.M. Deti Tolstogo [Tolstoy’s children]. Tula, 1994.
31. Fedotov G. Face of Russia. *Russkiy rubezh*. Moscow, 1991. Pp. 60–65. (In Rus.)
32. Ferrand J. Nianias. Souvenirs. Paris, 1999.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

The article was received on 30.12.2021, accepted for publication 10.02.2022

Сведения об авторе / About the author

Дворяшина Нина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований, Сургутский государственный педагогический университет

Nina A. Dvoryashina – ScD in Philology, Associate Professor; Chief Research Fellow at the Laboratory of Literary and Linguistic Studies, Surgut State Pedagogical University

E-mail: dvoryashin@bk.ru